

Цинь Чэн выразил нескончаемую благодарность, но сдержал её и поспешно проводил Вань Цзюньи и её спутника к ученикам, чьё состояние было наиболее тяжёлым.

Ещё не прикоснувшись к пульсу, лишь взглянув на лицо одного из больных, Вань Цзюньи нахмурила брови.

Самый тяжкий пациент выглядел румяным, но в его лице сквозила смертная бледность. Выражение было спокойным, но застывшим, словно перед погребением его облик привели в порядок.

Вань Цзюньи видела подобное состояние раньше, и оно было ей слишком знакомо, чтобы забыть. Нащупав пульс, она не обнаружила ничего необычного, но человек словно провалился в глубокий сон.

Увидев, что она закончила осмотр, Цинь Чэн с тревогой спросил:

— Этот яд трудно вывести?

Вопрос был излишним, но Цинь Чэн всё же задал его, стараясь деликатно узнать, сможет ли она справиться с отравлением.

Смысл был ясен. Вань Цзюньи слегка покачала головой:

— Это не яд. Они поражены гу, Гу, Проникающим в Дерево.

Эти слова поразили Цинь Чэна, по спине его пробежал холод.

Искусство гу процветало на западе и юге. Западные Снежные горы долгое время были закрыты, и их тайные техники гу не проникали в мир. На юге, в Наньцюане, находилась Горная усадьба Цичжан, где практиковали жестокие и коварные гу. Однако усадьба давно сторела, и техники Цичжан были утеряны.

В нынешнем мире яд заменил гу, и гу практически исчезли. Как же тогда ученики Тайхан оказались поражены гу, да ещё, судя по всему, сильным?

Цинь Чэн не осмелился углубляться в эти мысли.

Пока Цинь Чэн предавался размышлениям, Вань Цзюньи взяла аптечку у младшего ученика, которому было приказано молчать. Она достала иглы, но не лекарства, ибо Гу, Проникающий в Дерево, пожирает снадобья. Чтобы изгнать его, следовало прочистить меридианы иглами, гармонизировать инь и ян, а затем вытеснить гу из тела пациента внутренней энергией.

Вань Цзюньи хорошо знала этот метод. Менее чем за полчаса ученик выплюнул черную кровь, и вместе с ней выкатился маленький кровавый шарик, всё ещё извивавшийся в сгустке.

Вань Цзюньи велела ошеломлённому ученику развести огонь и сжечь гу, затем подождала, пока лицо больного не побледнеет, а черты не оживут, и лишь тогда сняла иглы и перешла к следующему.

Наблюдая за этим, Цинь Чэн внутренне восхитился. Он поручил ученикам ухаживать за выздоравливающими и сжигать гу, а сам последовал за Вань Цзюньи, помогая спасти остальных. После её объяснений Цинь Чэн, обладавший глубокой внутренней силой, тоже приступил к лечению.

Так за два часа ученики Секты Тайхан были спасены. Все, кроме одного...

— Шисюн, шисюн? Цзянь Юй, шисюн?

Резко выйдя из медитации, он оглянулся на голос и увидел юношу с густыми бровями и круглыми глазами, заурядной внешности, одетого в узкий халат, с мечом за спиной. То был его младший брат по учению, семьдесят седьмой ученик горы Дао.

Сейчас на лице младшего брата читалась тревога. Цзянь Юй не должен был знать её причину, но сейчас понимал всё ясно.

— Что случилось?

Цзянь Юй сдержанно выдавил два слова, голос его был ровным и безжизненным.

— Шисюн... Старший брат по пути назад попал в засаду еретиков. Его судьба неизвестна.

Внутри было спокойно. Но тогда боль была невыносимой, сердце словно разрывалось, дыхание останавливалось. Лишь силой воли он держался, чтобы не потерять сознание до встречи со старшим братом.

Цзянь Юй сохранял внешнее спокойствие. Он понял: младший брат пришёл, потому что учитель издал приказ о спасении старшего брата. Не говоря ни слова и не обращая внимания на ученика, он применил искусство лёгкого шага и поспешил к месту сбора.

Там уже был и старейшина. Старший брат, Лин Сюци, был приёмным сыном старейшины, сыном его младшего брата по учению. Когда-то на горе Дунфэн старейшина оказался в западне, и его младший брат ценой жизни выручил его, но сам погиб.

Старший брат стал посмертным сыном, как и он сам.

Если подумать, он с детства был близок со старшим братом — возможно, из-за общей судьбы.

— Цзянь Юй, тебе лучше не идти.

Учитель, заметив неладное с учеником и опасаясь, что с ним что-то случится во время спасательной операции, посоветовал ему остаться. Цзянь Юй, естественно, отказался.

Не говоря уже о чувствах, которые он тогда питал к старшему брату, даже ради братства и долга ученика Тайхан он не мог не пойти.

А итог...

В Роще Десяти Ли Фэйхэ Секта Тайхан сошлась в битве с еретиками. Потери были неисчислимы. Цзянь Юй, спасая старшего брата, ослепил одного из еретиков, но и сам был тяжело ранен. Однако это создало возможность для спасения старшего брата, пусть даже сам он потерял все боевые навыки и стал подобен ходячему мертвецу.

Учитель Мин Хэ прикрывал отступление, не ожидая, что еретики устроят вторую засаду, и погиб от их рук. Старейшина был отравлен ядом Зала Лиши. Выведя их из Роши Десяти Ли, он рухнул. Если бы не дядя Не Хэ, проходивший мимо, старейшина тоже сложил бы голову в той роще.

Но самое горькое было в том, что нападение на учеников горы Дао в Роще Десяти Ли оказалось лишь отвлекающим манёвром.

В то время как раз проходило собрание Альянса Улинь. Глава секты с большинством элитных учеников отправился туда. В Тайхане остались лишь ученики гор Дао и Миндао, а также внешние ученики, охранявшие ворота.

Еретики, неизвестно откуда получив сведения, воспользовались моментом. Одна группа, используя старшего брата как приманку, выманила восемьдесят три ученика горы Дао. Другая собрала основные силы и атаковала гору Ванцин, где располагалась Секта Тайхан.

Когда они вернулись, ворота уже были залиты кровью. Глава горы Миндао пал в бою. Из ста двадцати его учеников выжило менее десятой части. Внешние ученики были сложены в гору трупов. Впрочем, еретики тоже полегли почти все. В той кровавой бане стоял лишь один человек...

Белая одежда, пропитанная багрянцем, распущенные чёрные волосы, ледяной взгляд.

Цзян Чжао. Великий демон Улина, Цзян Чжао.

Даже спустя почти десять лет Цзянь Юй не мог забыть тот взгляд, которым Цзян Чжао обернулась на них. То был не взгляд живого существа, а взгляд призрака, вселившегося в пустую оболочку.

Тогда Цзянь Юй должен был испытывать ненависть и гнев, должен был броситься на врага вместе с собратьями, чтобы отомстить. Но он не мог пошевелиться.

Никто не мог.

Не было шансов на победу. Даже безоружная, даже бледная, будто раненая, Цзян Чжао казалась непреодолимой. Между ними зияла пропасть — разница в уровне мастерства.

Цзян Чжао ничего не сказала. Она просто прошла мимо учеников Тайхан и спустилась с горы. А они лишь смотрели ей вслед со злобой, будто вросли в землю.

Перед глазами постепенно сгущалась тьма. Цзянь Юй почувствовал, будто его накрыл колокол, и его собственный «внутренний голос» эхом отдавался внутри.

Как ни странно, на пороге смерти я увидел именно это.

Я думал, что перед глазами промелькнёт старший брат — его прежний уверенный образ, его упадок после той катастрофы. Но я даже не смог разглядеть его лица.

Впрочем, что уж тут. Десять лет прошло, а я всё дальше ухожу по пути бесстрастия, перестал цепляться за него.

Просто не думал, что встречу смерть здесь. Не хочется умирать, не повидав Цзян Чжао снова, не узнав, сократилась ли пропасть между нами.

Мне хотелось бы спросить её, такую же пустую оболочку, в чём смысл жизни в этом мире и почему она стала великим демоном Цзян Чжао...

— Цзянь Юй, Цзянь Юй...

Голос дяди. Дядя изо всех сил пытался спасти меня. Или, скорее, спасти Цзянь Юя.

Для Цзянь Юя нести на своих плечах Секту Тайхан было долгом. Он должен был быть лучшим учеником, краеугольным камнем на пути к бессмертию.

Но для меня я всего лишь один из множества, малая, ничтожная пылинка, простой смертный, довольствующийся тем, что может смотреть на небо. Я устал. Возможно, это испытание — милость небес, и, может быть, я больше не обязан быть Цзянь Юем...

— Девушка-врач, это...

— Не волнуйтесь, я справлюсь.

Голос врачини... звучал прохладно, но не холодно, словно первый снег зимой.

<http://bllate.org/book/16264/1463581>